

— Десять дней, — сказал он тоном, не предполагающим возражений. — И ни минутой меньше. На десять дней ты поступаешь в полное мое распоряжение. Я могу делать с тобой все, что захочу. Приказывать, что считаю нужным. А ты беспрекословно подчиняешься. Никаких других условий не будет.

Что?.. Это, надеюсь, шутка? Не похоже. С таким лицом не шутят. С таким отдают распоряжения, не сомневаясь, что их тут же исполнят. Я с ужасом смотрела в его глаза. В по-прежнему синие, но теперь настолько холодные, что, казалось, темные полукружья густых коротких ресниц вокруг них вот-вот покроются инеем. А когда-то я считала, что его глаза похожи на теплое летнее море.

Когда-то.

Тысячу лет назад.

В той, другой жизни.

— Что?.. — прошептала я, силясь собраться с мыслями.

Он и не подумал ответить. Ни один мускул не дрогнул на бесстрастном надменном лице. Знакомом до боли и... совсем незнакомом.

Короткие темные, почти черные волосы, высокий чистый лоб, хмурые брови. Точеный римский нос с небольшой горбинкой, будто высеченные из камня крутые скулы. Четко очерченный рот с упрямо сжатыми губами, крепкий подбородок, отливающий синевой.

Широкие плечи, втиснутые в строгий костюм, застегнутая до последней пуговицы белоснежная рубашка. Небрежно лежащие на столе руки с переплетенными в замок пальцами. Длинными и красивыми. Как у пианиста.

И едва уловимый запах... Смесь ароматов дорогого парфюма, чистоты, свежести... Коктейль успеха и богатства...

В дельце, привыкшем получать все, что ни пожелает, я отчаянно пыталась разглядеть того мальчишку, с которым когда-то встречалась.

Встречалась... Тайком выбиралась из дома и гуляла с ним по дорожкам старого парка, залитым лунным призрачным светом, держась за такую теплую ладонь... И целовалась в беспросветной тени каждого дерева...

До одури, до остановки дыхания, до грохота пульса в висках, до странной блаженной истомы...

И обмирала в кольце горячих подрагивающих рук, тонула в его потемневших глазах, в бездонной глубине которых жарко клубились тысяча и одна ночь вместе с луной и звездами.

А вернувшись домой, не могла уснуть до рассвета. От распирающего душу предчувствия счастья. От чего-то безумно хорошего, что вот-вот наступит. От сладких мыслей о новой встрече уже вечером... И сегодня, и завтра, и... всегда.

Но того мальчишки больше не было. Такие влюбленные сумасшедшие не выживают в жестоком суровом мире больших денег. Их или сжирают конкуренты, или сам бизнес перемалывает своими жерновами и выплевывает обратно бездушными, серьезными, холодными акулами. И нет у тех акул никакого теплого моря с солнечными брызгами в глазах. Там Северный Ледовитый океан и стужа, от которой хочется плакать.

Адский коктейль из отчаяния, боли и ярости вскипел внутри, враз заполнил до краев, грозя вырваться наружу и разнести роскошный кабинет и его надменного бездушного хозяина.

Слова застряли в горле, перехваченном спазмом. Удалось лишь тихо выдавить:

— Я согласна.

— Отлично.

Отлично? Для кого? То, что он предложил... Это невысказано, безнравственно, чудовищно, унижительно! Но... одним росчерком пера он сейчас даст мне надежду на то, что с мамой все еще будет хорошо.

Алекс достал из ящика стола чековую книжку и начал аккуратно, не торопясь, заполнять листок. Сердце колотилось как сумасшедшее. Вдруг он остановился, задумчиво взглянул на меня исподлобья.

— Знаешь, мне кажется, ты не слишком хорошо отдаешь себе отчет в том, на что согласилась.

— Почему же... — начала бормотать я, но смолкла.

Вообще-то его предложение было бы сложно истолковать двояко. Или я настолько пророчна, что неправильно его поняла? Может, когда он говорил: «...ты поступаешь в полное мое распоряжение, и я могу делать с тобой все, что захочу», то имел в виду игру в догонялки? Или караоке? Или услуги садовника и посудомойки?

Вот уж вряд ли все обстоит так невинно. И речь явно идет про постель. И про то, что с ней, хм... связано. Конечно, я не в курсе его предпочтений, да и, честно говоря, меня нельзя назвать опытной. Но он сам захотел... О господи, мне и так страшно даже думать о том, что будет происходить в течение тех десяти дней. А тут еще какие-то намеки...

— Раздевайся, — лениво протянул он.

— Что?.. — ошарашенно дернулась я.

Щеки полыхнули, как от пощечины. Может, я задумалась и не то услышала? Ведь не сказал же он на самом деле...

— Ты прекрасно меня поняла. Раздевайся.

Раздевайся?! Адский коктейль из отчаяния, боли и ярости вскипел внутри, враз заполнил до краев, грозя вырваться наружу и разнести роскошный кабинет и его надменного бездушного хозяина. Заставлять меня раздеваться посреди рабочего дня прямо тут, в офисе, куда в любой момент может кто-то войти? Зачем? Решил осмотреть товар прежде, чем платить за него деньги? Да кто дал ему право обращаться со мной как с уличной девкой?! Впрочем...

Я. Сама дала ему все права, когда согласилась. Но...

Нет, такого, пожалуй, не выдержу. Это выше моих сил. Не смогу...

К горлу подкатил ком, и я с ужасом поняла, что еще миг — и жалко разревусь прямо у него на глазах. Нет! Нельзя допустить ничего подобного. Ни за что!

— Не буду, — прошептала, стараясь не выдать дрожи в голосе.

Развернулась и пошла к выходу.

— Стоять, — тихо скомандовал он.

Очень тихо. Но таким тоном, что я мгновенно остановилась, словно налетела на невидимую преграду. Слезы высохли, на смену отчаянию пришла спасительная злость. На себя — за непростительную слабость и трусость. На него — за этот невыносимо холодный хозяйский тон.

Медленно развернулась. Если бы взгляд мог испепелять, на начальственном кресле сейчас бы лежала кучка пепла. Но нет, в кресле сидел он. Невозмутимый, бесстрастный, расчетливый.

— Если ты сейчас выйдешь из кабинета, не выполнив мой приказ, денег не будет. Даже если ты завтра станешь меня об этом умолять.

Я молча стояла, стиснув кулаки так, что ногти впивались в кожу. Боль отрезвляла,

спасала. Подстегивала злость, отгоняла слезы, помогала держать лицо.

— Мы оба с тобой знаем, — продолжал он, — если ты пришла просить в долг у меня, значит, тебе не к кому больше идти. Так что подумай хорошенько.

Не о чем мне думать. Все уже решено.

Я сглотнула, сделала несколько шагов в его сторону, встала напротив стола и потянулась к пуговицам на блузке.

ГЛАВА 2

Двумя днями раньше

— Дженни, ну сколько можно копать? — прозвенел от дверей веселый девичий голосок.

Маргарет заскочила в раздевалку и покрутилась перед зеркалом, придирчиво разглядывая себя со всех сторон.

— Я же предупредила, что задержусь ненадолго... — пропыхтела ей в ответ, торопливо застегивая форменную юбку. — Поеду с мамой, в больницу...

— Твое «ненадолго» давно закончилось! — Маргарет подмигнула мне через зеркало. — Давай, нацепляй радостное выражение на лицо... — она округлила рот буквой «о» и, ни на секунду не переставая говорить, провела ярко-красной помадой по и без того идеально накрашенным губам, — ...и быстренько к столам. Там уже гости начинают собираться! — Поправила воротничок блузки и удовлетворенно вздохнула. — Ну как тебе моя новая помада?

— Мне? Никак, — улыбнулась я, завязывая форменный кружевной передник, — а тебе идет.

Смуглой фигуристой брюнетке Маргарет шло абсолютно все. Впрочем, с ее внешностью можно было вообще не краситься, ходить в мешке из-под кукурузы и все равно выглядеть сногшибательно.

— Ух и набегаемся сегодня... — протянула та и отлипла наконец от зеркала, освободив мне место.

Действительно набегаемся. Сегодня наш ресторан закрыт на спецобслуживание. Дорогие клиенты (в буквальном смысле дорогие: ресторан не из дешевых, а уж снять его на целый вечер стоит и вовсе запредельных денег) массово празднуют что-то. То ли у них свадьба, то ли торжественная вечеринка по поводу или без. Впрочем, мне до этого нет никакого дела. Главное, чтобы посуда стояла ровно да блюда подавались вовремя и в нужной последовательности.

Я пригладила волосы, бросила критический взгляд в зеркало, выскочила из раздевалки, схватила поднос и помчалась на кухню. Вокруг сновали коллеги, быстро, слаженно, без слов понимая друг друга. Да. Чтобы устроиться работать официантом в такое заведение,

нужно постараться. И потом не расслабляться ни на минуту.

Те, кто думает, что это простая работа, очень ошибаются.

Двигаться надо шустро, но так, чтобы торопливость была незаметна клиенту. В нужный момент следует оказываться рядом с ним, но не мозолить глаза. Стать бесшумной тенью, ненавязчивым фоном, чтобы у клиентов складывалось впечатление, что все необходимое появляется само по себе. И так же по волшебству исчезает то, чему исчезать положено: грязные салфетки, тарелки и прочее...

В кухне я подлетела к тарелочкам с заливным и принялась осторожно составлять их на поднос. Рядом Маргарет наполняла колючим льдом ведерки с бутылками игристого шампанского.

— Я вот считаю, — важно заявила она, не переставая ловко орудовать совочком, — что отмечать помолвку просто глупо.

Ага, значит, сегодня не свадьба и не торжество, а помолвка. Точно. Что-то такое вроде вчера говорили.

— Это еще почему? — с любопытством спросила я.

— А потому, что праздновать надо, когда

мужчина на тебе уже женился. Окольцевался, так сказать, окончательно и бесповоротно. А пока только обещает, рано радоваться и пить шампанское.

— Логично... — рассмеялась я.

— А то... — кивнула Маргарет и, слегка понизив голос, весело продолжила: — Вот я, например... Если бы каждый раз, как предложение сделают, бокал поднимала... — она округлила глаза, — пришлось бы в общество анонимных алкоголиков записываться.

— А что ж замуж не пошла? — поддразнила я.

— Да ходила два раза...

— И как?

— Не распробовала. Надо еще сходить.

Мы переглянулись и расхохотались.

Рядом с бодрой жизнерадостной Маргарет настроение всегда поднималось. И не только у меня. У всех. Даже у самых унылых зануд. Я никогда не видела ее ни грустной, ни обесилевшей. Хотя уставали мы в этом ресторане ужасно. Иногда по вечерам ноги так гудели, что, казалось, и шагу больше не смогу ступить. Но зато и зарабатывали нормально. Зарплата плюс щедрые чаевые — и выходила довольно приличная сумма. А деньги мне были нужны позарез.